

КЕДРОВЫЙ ПРОМЫСЕЛ ТОБОЛЬСКИХ ТАТАР В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI в.: ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ И АДАПТАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ¹

Д.А. Мягков

На основе полевых этнографических материалов исследуется адаптация кедрового промысла тобольских татар к кризисным экономическим явлениям на рубеже XX–XXI вв. Предлагается рассмотрение и объяснение различных аспектов кедрового промысла с точки зрения их экологической обусловленности. Прослеживаются прямые и обратные связи между состоянием локальных природных ресурсов и характером, свойствами, динамикой промысловой деятельности в современных условиях.

Тобольские татары, кедровый промысел, экология, адаптация.

Кардинальные социально-экономические трансформации 1990-х гг., связанные с переходом от планового хозяйства к рыночной экономике, оказали наиболее глубокое воздействие на такие сферы культуры сельских сообществ, которые напрямую связаны с производством, потреблением и распределением материальных благ, а именно хозяйственный комплекс и систему жизнеобеспечения. Этнографическое исследование последних, помимо научного, имеет практическое значение: во-первых, для этнических и локальных групп, поскольку добытые конкретные знания и выводы позволяют рационализировать и оптимизировать экономическую деятельность их представителей; во-вторых, для государственных органов, поскольку полученные сведения могут использоваться в практике регионального правотворчества для совершенствования правового регулирования соответствующих социальных процессов.

В 1960–1980-х гг. экономической основой жизнедеятельности татар Западной Сибири, расселенных в сельской местности, являлась работа на государственных предприятиях сельского хозяйства и лесной промышленности. При этом важным источником средств к существованию населения были личные подсобные хозяйства; лесные промыслы и рыболовство играли вспомогательную роль в системе жизнеобеспечения. После распада СССР совхозы и леспромхозы прекратили деятельность, в связи с чем перед населением встала задача поиска альтернативных источников существования. В результате в 1990-х гг. у сельского татарского населения Тюменской области сформировалось два основных механизма адаптации к кризисным социально-экономическим реалиям. Первый из них состоял в переходе на новую работу: часть жителей татарских сел переехали с этой целью в городские центры — Тюмень, Тобольск; часть — устроились на работу вахтовым методом на севере Тюменской области; в населенных пунктах, расположенных вблизи предприятий нефтяной промышленности, многие жители перешли на работу на этих предприятиях (например, д. Нижние Аремзяны Тобольского р-на). Вторым механизмом адаптации состоял в переводе хозяйственной активности людей в сферу личных подсобных хозяйств и лесных промыслов, которые стали экономической основой жизнедеятельности населения. В данном случае происходили увеличение поголовья домашнего скота и земельных площадей для производства огородных растений, рост числа людей, занятых сбором дикоросов, рыболовством, охотой, что вело в итоге к существенному увеличению объемов продукции этих отраслей хозяйства. Результаты хозяйственной деятельности практически полностью удовлетворяли потребности татарского населения в соответствующих продуктах питания, а излишки сбывались на рынке и служили главным источником денежных средств.

Резкий рост экономического значения лесных промыслов в системе жизнеобеспечения тоболо-иртышских татар в 1990-е гг. был обусловлен совокупным действием социальных и природных факторов. Экономические потребности татарского населения в новых источниках дохода не могли бы быть удовлетворены за счет лесных промыслов, если бы окружающая естественная среда не содержала достаточного количества доступных для присвоения природных

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Модернизационные процессы в системе жизнеобеспечения тоболо-иртышских татар в 1990–2000-е гг.»), проект № 12-31-01273.

ресурсов. Ландшафты Вагайского района Тюменской области, в рамках которых располагались населенные пункты тобольских татар, благоприятствовали сбору дикоросов, поскольку включали в свой состав обширные болота или леса сибирского кедра, а зачастую характеризовались совместным присутствием тех и других. Особенности ландшафтов определяли локальную специфику промысловой деятельности населения, выраженную в преобладании того или иного направления собирательства. В целом указанные свойства окружающей среды обеспечивали (а) наличие значительных запасов природных ресурсов (ягод, орехов, грибов), (б) территориально доступных для жителей близлежащих населенных пунктов и (в) предоставляющих возможность свободного сбора, границы которого в отсутствие действенного правового или обычного регулирования определялись практически исключительно размером запасов ресурсов. Наконец, поселения тобольских татар и их промысловые территории находятся в непосредственной близости от развитых транспортных коммуникаций, связывающих север и юг Тюменской области, и от города Тобольска, что гарантирует (г) широкий рынок сбыта местной продукции.

Настоящая статья посвящена исследованию одного из основных видов лесных промыслов тобольских татар — кедрового промысла в период 1990–2000-х гг. Источником исследования послужили полевые этнографические материалы, собранные автором в ходе экспедиционных работ в местах компактного проживания сибирских татар в Вагайском р-не Тюменской обл. в 2011 г. [Мягков, 2012]. Данные материалы хранятся в архиве Музея народов Сибири Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН.

Анализ кедрового промысла в статье основан на обследовании двух кустов поселений тобольских татар. Первый куст включает населенные пункты, расположенные вдоль русла р. Агитки, — села Казанское, Митькинское, д. Сулейменская, с. Тукуз (общая протяженность 30 км). Все эти поселения размещаются на узкой пятикилометровой полосе земли, пригодной для занятия земледелием и животноводством, по обеим сторонам которой тянутся обширные болота. Второй куст включает три поселения, расположенные на высокой террасе рядом с Иртышом напротив устья р. Вагая, — с. Второвагайское, деревни Кобякская и Юрты-Бегишевские (общая протяженность 5 км).

В рамках настоящей работы анализ современного кедрового промысла тобольских татар будет проводиться в двух аспектах — «внутреннем», историческом, и «внешнем», экологическом. Исторический аспект состоит в сопоставлении современных и традиционных форм кедрового промысла, его реализация позволит определить, насколько «традиционным» является современный промысел. Экологический аспект состоит в установлении связей между промысловой деятельностью и природной средой с целью определить воздействие кедрового промысла на состояние природных ресурсов, стабильность экосистемы и, следовательно, устойчивость самого промысла в будущем.

Состояние ресурсов кедрового промысла

Кедровый промысел («шишкование») тобольских татар состоит в заготовке орехов сибирского кедра (сосна сибирская кедровая, *Pinus sibirica*; далее — кедр). Поскольку для кедра характерно чередование периодов повышенных урожаев с периодами пониженных (например, Митькинский кедрач «*три года дает урожай, три года отдыхает*»), кедровый промысел татар тоже носит периодический характер. В основном шишкование производилось татарами в «деревенских» борах, т.е. расположенных рядом с соответствующими поселениями.

Казанское. Достаточно крупный бор располагался на левом берегу Агитки, напротив села. К настоящему моменту не сохранился. Бор сгорел в 1950–1960-х гг. в результате верхового пожара, который возник, скорее всего, из-за неосторожного обращения с огнем. Остатки леса были использованы местными жителями для заготовки дров.

Сулейменская. Рядом с деревней находилось два кедровых бора, из которых к настоящему времени сохранился один. «Малый кедрач» (*Малый кускут*) площадью 50 га располагается вдоль берега Агитки на расстоянии 0,3 км к юго-западу от деревни. «Большой кедрач» (*Большой кускут*) ранее примыкал к населенному пункту с северной стороны, занимая, по оценкам местных жителей, площадь 500 га. В 1980-х гг. «Большой кедрач» погиб в результате вспышки массового размножения сибирского шелкопряда.

Митькинское. В советское время рядом с Митькинским располагался крупный кедровый бор площадью до 600 га, который, как и Сулейменский, был уничтожен в 1980-х гг. в результате нападения сибирского шелкопряда. В настоящее время рядом с населенным пунктом располо-

жены три небольших кедровых бора. «Пилорамовский» бор площадью 10 га лежит к западу от села с северной стороны автотрассы, бор «Перемянка» площадью 20 га — с западной стороны села между автотрассой и р. Агиткой, бор «Пускут» площадью 25 га — с восточной стороны села между автотрассой и р. Агиткой.

Тукуз. В советское время вблизи села находился кедровый бор, который по истощению в ближайшей округе лесных ресурсов в 1970-е гг. был вырублен местным леспрохозом. В настоящее время вблизи Тукуза встречаются одиночные кедры в смешанных лесах, а также кедровые «острова» на болотах. После исчезновения своего бора жители Тукуза, так же как жители Казанского и Сулейменской, ведут кедровый промысел в Митькинском боре.

Второвагайское, Кобякская, Юрты-Бегишевские. Крупный кедровый массив площадью более 300 га располагался между названными населенными пунктами. Границы кедрача отстояли на 0,8 км к северу от Второвагайского, на 1,6 км к юго-востоку от Кобякской, на 0,6 км к западу от Юрт-Бегишевских. В массиве выделялось несколько участков, считавшихся отдельными борами, имевших собственные названия и относившихся к соответствующим (близлежащим) поселениям: *Ярковский* бор с одной стороны относился к русской д. Ярковой, с другой — к с. Второвагайскому, *Сосновый* бор — к д. Кобякской, бор *Утрау (Бегишевский)* — к д. Юрты-Бегишевские. В свою очередь, местные жители различали в названных борах еще более мелкие участки, имевшие традиционные названия по именам людей, занимавшихся там кедровым промыслом, или по биологическим особенностям. Так, например, жители Второвагайского выделяют в большом Ярковском бору более мелкие боры *Курманак-кыр* (назван по имени человека), *Косок-юл (Косок-кыр)*, там проходила большая конная дорога — *юл*), *Сайдулла-кыр* (по имени человека), *Урман-кыр* (там росло много елей — *урман*), разделенные оврагами Салях-куак, Кисьма-куак, Муклецу-куак, переходящим в болото Муклецу (названное так, потому что на нем заготавливали мох — *мук*). В середине 1980-х гг. кедровый бор подвергся нападению сибирского шелкопряда, в результате чего основная часть деревьев погибла (выжили преимущественно кедры, расположенные по периметру бора, которые были химически обработаны против вредителя).

Помимо описанного бора, местное население занималось ореховым промыслом в крупных кедровых борах, последовательно расположенных вдоль летней лесной дороги, ведущей на оз. Царево, которое находится в 35 км к северу от Юрт-Бегишевских, на так называемой *уве* — террасе. Из них *Коревой бор* располагался в 20 км к северу от Юрт-Бегишевских, бор на Черной речке (*Черный бор*) — в 30 км, бор на Белой речке (*Белый бор*) — в 35 км. На сегодняшний день названных кедрачей не сохранилось, все они были вырублены леспрохозом в советское время.

Масштабы вырубок сибирской кедровой сосны и соответственно их влияние на состояние кедровых ресурсов в исследуемом регионе изменялись на протяжении XX в. Традиционно среди тоболо-иртышских татар бытовал и соблюдался обычай, запрещающий порубку кедров. Государственные предприятия, до тех пор пока были доступны ресурсы смешанных лесов, также воздерживались от заготовки леса в кедрачах. Ситуация изменилась в последней трети XX в. Организация совхозов потребовала масштабного строительства хозяйственных сооружений для содержания большого количества скота и жилых помещений для переезжавших в совхозные центры рабочих из окрестных деревень. Для удовлетворения потребностей в строительной древесине стали прибегать к вырубкам близлежащих кедровых лесов, причем вырубкой обычно занимались бригады рабочих из других регионов, для которых было несвойственно бережное отношение к кедру, характерное для местного татарского населения. Кроме того, по мере истощения иных лесных ресурсов предприятия лесной промышленности переходили к вырубкам кедровых лесов. В результате были уничтожены кедровые боры вблизи с. Тукуз и боры, лежавшие на «уве» в зоне «иртышского» куста деревень. После гибели кедровых боров в результате нападения шелкопряда жители окрестных деревень обоих кустов начали осуществлять массовую вырубку погибших деревьев для удовлетворения личных потребностей в стройматериалах и дровах.

В целом приведенные выше сведения позволяют сформулировать следующую закономерность: все рассмотренные населенные пункты сибирских татар располагались в непосредственной близости от кедровых боров, в связи с чем последние можно рассматривать в исторической ретроспективе как возможный фактор, определявший выбор татарами мест для основания поселений. Этот же факт дает основания полагать, что кедровый промысел являлся неотъемлемым элементом хозяйственного цикла местных тобольских татар. Во второй половине XX в. часть из описанных кедрачей была уничтожена в результате пожаров и промышленных выруб-

бок, другая часть — катастрофически сокращена по занимаемой площади в результате нападения сибирского шелкопряда. В связи с этим стало невозможно удовлетворять экономические потребности населения традиционным методом, т.е. за счет имевшихся привычных местных природных ресурсов. Реакцией населения на эту проблему стали поиск и освоение новых промысловых территорий, т.е. альтернативных пространств, на которых возможно было заниматься кедровым промыслом в желаемых масштабах. С 1990-х гг. население татарских деревень по р. Агитке стало вести коммерческий промысел кедрового ореха в крупном кедровом бору, расположенном вблизи д. Шевелевой Вагайского р-на (*Шевелевский бор*, 62 км по трассе к северо-западу от Митькино), а население «иртышского» куста деревень — в бору рядом с д. Шабры Вагайского р-на (33 км по трассе к востоку от Юрт-Бегишевских; в 2010 г. значительная часть этого бора была уничтожена ураганом). Часть жителей поселений, расположенных по Агитке, заготавливают орехи в кедровых «островах» на болотах.

Традиционные нормы природопользования

В экологической культуре тобольских татар бытовал комплекс норм и принципов, регулировавших взаимодействие местного населения с природной средой, в том числе использование кедровых ресурсов. Данные нормы были нацелены на обеспечение устойчивости, возобновимости природных ресурсов, что, в свою очередь, являлось гарантией стабильности системы жизнеобеспечения локальных коллективов. Обычаями, регулировавшими поведение тобол-иртышских татар в отношении кедровых ресурсов, были запрет на рубку кедров, запрет на преждевременный сбор шишек, требование поддерживать порядок в кедровом лесу.

С детского возраста в семьях сибирских татар воспитывалось бережное отношение к кедру, формировалось представление о необходимости поддерживать в надлежащем, «чистом» и «хорошем», состоянии кедровые леса. Информаторы старшего поколения вспоминают, что *«испокон веков нельзя было рубить кедр, потому что это второй или третий хлеб (второй — картофель. — Д. М.)», «никто кедр не трогал, потому что мы им кормились»*. Кедровые леса регулярно очищались от кустарника, высохших деревьев, других пород дерева (березы, осины, ели), так, что в кедровых лесах *«было чисто, как в заповедниках»*. Такая ситуация резко контрастирует с сегодняшним днем, когда в кедровых лесах активно ведется заготовка высохших или живых кедров и других деревьев. Изменения отмечают сами информаторы: *«сейчас норм никто не соблюдает; и ломают, и спливают кедр»*; *«раньше в кедровых лесах на велосипеде можно было кататься, а сейчас на болотоходе еле проедешь»*; *«раньше кедровые леса чистые были, хорошо все было видно в них, а сейчас ходить невозможно — мусор, валежник»*.

Одним из ключевых принципов был ежегодный всеобщий запрет на занятие кедровым промыслом до наступления момента созревания орехов, который обычно наступал в середине августа. Шишки, достигшие зрелого состояния (*каракабык*), легко падают на землю при ударе или отряхивании ветвей, поэтому их заготовка не сопряжена с причинением вреда деревьям. И наоборот, заготовка шишек в незрелом состоянии, когда они крепко держатся на ветвях, является более трудоемкой и насильственной, требует активного применения шестов для сбивания шишек, как правило, сопряжена с разрушением веток, что, естественно, снижает последующую продуктивность кедров.

Сезон промысла

Традиционно, в том числе в советское время, сезонное начало кедрового промысла наступало после созревания орехов, которое в исследуемой местности обыкновенно приходилось на середину августа. Такой выбор временного рубежа промысла был экологически мотивирован и обеспечивал баланс между потребностями населения и воспроизводством природных ресурсов. В связи с ликвидацией советской модели хозяйствования и поиском населением альтернативных источников существования, значительно возросло количество людей, занятых кедровым промыслом. В сочетании с неблагоприятными экологическими изменениями (сокращением площади лесов сибирского кедра) это привело к резкому увеличению промысловой нагрузки на кедровые ресурсы, чрезвычайному усилению человеческой конкуренции за пользование ими. Под воздействием названных факторов в 1990–2000-х гг. начало промыслового сезона переместилось на более ранний срок и теперь приходится на Прокопьев день — 21 июля (Прокопий-жнец). К этому сроку кедровая шишка не успевает созреть, поэтому ее сбор ведется более разрушительными, а зачастую и хищническими методами, что сопряжено с причинением существенного вреда деревьям. «Активный» промысел продолжается до тех пор, пока не бывают сби-

ты все физически доступные людям шишки, обычно завершаясь к началу сентября. Второй этап промысла, «пассивный», приходится на осень после наступления ветреной и дождливой погоды, когда оставшиеся несбитыми, растущие на самом верху деревьев, зрелые шишки падают на землю под воздействием сил стихии, а не человека.

Методы и техника промысла

Заготовка кедрового ореха представляет собой сложный и многоэтапный технологический процесс, в котором в последние десятилетия произошли изменения. Наиболее ответственным и трудоемким является первый этап — сбор кедровых шишек. В классическом варианте «ломовщики» забираются высоко на дерево и при помощи шестов (*шиштэм*) сбрасывают шишки на землю, а «подборщики», работающие под деревом, собирают их в мешки. «Ломовщиками» преимущественно становились молодые люди, однако в настоящее время ими бывают и пожилые мужчины, и даже женщины. Шесты *шиштэм*, при помощи которых сбивались шишки, обычно изготавливались из наиболее прочного дерева — ели или сосны; достигали в длину, в зависимости от необходимости и времени промысла, от 4 до 8 м; на своей вершине имели характерную развилку из двух необрубленных сучков (чтобы эффективнее сбивать шишки); у основания имели сквозное отверстие, через него продевалась веревка длиной 40–50 см, которая фиксировалась на руке человека (для предотвращения падения шеста). Иногда, в случае достаточной зрелости шишек, их сбор мог обходиться без использования шестов: в этих случаях люди забирались на дерево и сбрасывали шишки, потрясывая ветви руками или ногами.

Однако основным и наиболее распространенным традиционно был способ добычи шишек с применением шестов. Нюанс заключается в том, что этот метод одновременно эффективен и не причиняет существенного физического урона деревьям только в том случае, если шишки достаточно зрелые и соответственно легко отделяются от веток при несильном или умеренном воздействии. Как уже упоминалось, в последние десятилетия начало кедрового промысла передвинулось почти на месяц раньше обычной нормы. В этих условиях, чтобы сбить шестами не вполне созревшую шишку, «ломовщикам» приходится прикладывать слишком интенсивные физические усилия, что зачастую ведет к разрушению веток или уничтожению *озимей* — шишек первого года (т.е. тех, которые созреют на следующий год).

Снижение эффективности описанного метода сброса шишек в последние десятилетия привело к распространению среди татарского населения хищнических приемов промысла, сопряженных с разрушением или уничтожением деревьев и причиняющих, таким образом, существенный вред состоянию кедровых ресурсов. Часто «ломовщики», чтобы добыть шишки, преднамеренно ломают ветки деревьев. Известны случаи, когда в стволы деревьев врезаются тяжелой техникой или спиливают деревья.

С 1990-х гг. по настоящее время, когда в обиход тобольских татар вошли болотоходы, ставшие практически непременным атрибутом промысловой деятельности, собранная и упакованная в мешки шишка, как правило, в день сбора транспортируется домой. В советское время, в отсутствие болотоходов, вывезти шишку из болотистых мест было возможно только по зимнику. Соответственно в период времени от окончания заготовки до начала заморозков шишка хранилась в специально устроенных в лесу лабазах. Лабазы (*клед/клеть*) одного типа у тобольских татар представляли собой различного размера деревянные срубы, установленные углами на четырех пнях или деревянных сваях высотой около 50 см. Щели между бревнами закрывались мхом или землей. Наполненный продуктами лабаз сверху накрывался рубероидом или пленкой, которые плотно фиксировались жердями, веревкой или гвоздями. Срок службы таких лабазов мог достигать 5 лет, в случае если бревна, которые использовались для его сооружения, были очищенными от коры. Лабазы другого типа (*мосхак*) были более просты в изготовлении, но менее долговечны. Для их устройства по углам прямоугольника в землю вбивались 4 деревянных кола с развилками, попарно соединявшихся жердями, поверх которых укладывался настил, также из жердей. На описанный лабаз укладывались мешки с орехами или ягодой, которые укрывались хвойным лапником или березовыми ветками, а сверху — рубероидом или пленкой. С наступлением холодов продукты, хранившиеся в лабазах, вывозились по зимнику в деревню. Оба типа хозяйственных построек продолжают использоваться в современной промысловой практике тобольских татар (сбор ягод и орехов, охота), особенно в местах с плохим состоянием проселочных дорог.

В настоящее время, в связи с преждевременным началом промысла, привезенную домой шишку на пару недель помещают в затененное место, для того чтобы орехи дозрели и из шишек стекла смола. После этого производят шелушение шишек, растирая их о доски или корыто при помощи валька — деревянного плоского рубчатого бруска. В прииртышских деревнях тобольских татар получил распространение специальный станок для обмолота кедровых шишек — *косок истергец*. Приведем описание станка, зафиксированного нами в д. Кобяжской. Станок имеет вытянутую прямоугольную форму, состоит из несущей конструкции — четырех брусчатых ножек, скрепленных между собой посредством деревянных планок, и рабочей части, которая крепится к верхней части ножек. Рабочая часть состоит из бортов — двух параллельных длинных плах — и соединяющего их днища, представляющего собой длинный последовательный ряд коротких цилиндрических деревянных фрагментов, расположенных не вплотную друг к другу, а с зазором в несколько сантиметров. Общая длина станка составляет 210 см, высота — 60 см, ширина рабочей части — 25 см. Орудием, посредством которого на станке производится измельчение шишек и извлечение из них орехов, является терка (валек) — вытянутая массивная деревянная плаха, на рабочей поверхности которой нанесены глубокие поперечные насечки. С обратной стороны к вальку прикреплена длинная жердь, оба конца которой выступают в роли рукоятей орудия. Общая длина терки — 320 см, ширина — 20 см. Процесс шелушения шишек на описанном станке выглядит следующим образом: на рабочую поверхность станка высыпаются шишки, теркой, которую приводят в действие два человека по разные стороны станка, они растираются о днище станка, измельченные фрагменты шишек и семена просыпаются в отверстия на предварительно разложенные под станком половики или целлофан.

После вышелушивания орехи подвергаются провеиванию, которое производится вначале при помощи сита. Обычное сито имеет прямоугольную форму, состоит из плоского днища из металлической сетки и невысоких стенок из деревянных плах. Зафиксированное нами в д. Кобяжской сито составляло 80 см в длину, 50 см в ширину, 12 см в высоту. В процессе провеивания орехи опадают через сито, а измельченные остатки шишек остаются. Затем очищают орехи от мелкой шелухи, просыпая их из ведра при умеренном ветре. В отсутствие ветра для создания потоков воздуха используют вентиляторы, подключая их к электромоторам. После провеивания очищенные кедровые орехи отправляются на хранение в затененное сухое место, часто на чердак.

Масштабы промысла и реализация продуктов

Объем продукции кедрового промысла значительно варьируется по годам, в соответствии с циклическими изменениями урожайности кедров. В год средней урожайности с одного среднего кедра обычно собирают один мешок шишки, в менее урожайные годы — 2–3 ведра (полмешка), в наиболее урожайные годы — 2–3 мешка шишки. Из 5–6 мешков шишки после переработки получается 1 мешок чистых кедровых орехов. Сегодня семейная бригада из 3–4 чел. в начале промыслового сезона за день заготавливает 3–4 мешка шишки, позднее, когда шишка дозревает и начинает падать, — по 5–7 мешков, в конце сезона — по 7–10 мешков. При благоприятных условиях за один промысловый сезон бригада из нескольких членов семьи, занятая коммерческим шишкованием, обычно заготавливает 10–15 мешков чистых орехов, в зависимости от урожая. Вся собранная продукция находится в распоряжении самих людей, занимавшихся промыслом. Сбыт орехов, как правило, осуществляется закупщикам. В среднем в 2008–2010 гг. стоимость 1 кг кедрового ореха составляла 150–250 руб., 1 мешка ореха — 5–8 тыс. руб. Люди, заготавливающие орех для потребления внутри семьи, добывают от нескольких ведер до 2–4 мешков кедровых орехов, в зависимости от размера семьи.

В советское время кедровый промысел также носил преимущественно коммерческий характер. Жители «агитских» поселений отдавали долю собранных орехов государству (по воспоминаниям информаторов, 1/5 или 1/10 урожая), а оставшуюся часть продавали. Из жителей Кобяжской, Второвагайского и Юрт-Бегишевских формировались совхозные бригады «ломовщиков» и «сборщиков», которые заготавливали шишку в деревенском бору и сдавали ее государству. Для себя члены бригад могли заготавливать шишки в нерабочее время. Заготовка ореха для личных нужд осуществлялась жителями этих деревень преимущественно в борах, расположенных на «уве» — в Черном, Белом, Коровом борах.

Завершая рассмотрение современного кедрового промысла тобольских татар, сформулируем некоторые положения, ориентированные на перспективу. С 1990-х гг., в условиях глубокого и затяжного экономического кризиса, кедровый промысел стал важным источником денежных средств для значительного количества семей тобольских татар, проживающих в относительной близости от лесов сибирского кедра. Однако в работе выявлена обратная корреляция между динамикой запасов ресурсов и количеством их потребителей: существенный рост, по сравнению с советским временем, числа людей, занятых кедровым промыслом, сопровождается катастрофическим сокращением площадей, которые занимают кедровые леса. Попытки ликвидировать дефицит ресурсов с помощью интенсивных методов (отказ от норм, ограничивающих присвоение; применение более эффективных и разрушительных техник эксплуатации) ведет к еще большей деградации природных ресурсов. С учетом возросшей зависимости населения от кедрового промысла при длительном периоде воспроизводства кедровых ресурсов, данная тенденция представляет угрозу для системы жизнеобеспечения тобольских татар в перспективе, поскольку способна подорвать один из ее ключевых компонентов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Мягков Д.А. Хозяйственный комплекс и экологическая культура тобольских татар во второй половине XX — начале XXI века: Отчет о проведенных экспедиционных работах в 2011 г. Омск, 2012. 127 с. // Музей народов Сибири Омского филиала ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-2. Д. Т-4.

Омский филиал ИАЭТ СО РАН
tomich-84@mail.ru

Basing on field ethnographic materials, the author describes adaptation of gathering cedar nuts to crisis economic events with Tobolsk Tartars at the border of XX–XXI centuries. It is advised to consider and comment on different aspects of gathering cedar nuts from view point of their ecological causation. Subject to tracing being direct and inverse correlations between state of the local natural resources and character, properties, and dynamic of gathering activity under modern conditions.

Tobolsk Tartars, gathering cedar nuts, ecology, adaptation.